
М. Н. ВЛАСОВА

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР ГРУМАНТА (ШПИЦБЕРГЕНА)

Нас кругом небо, а земля — как на плову.
Дедко был на Груманте (*Шпицбергене*), там и свету нет.¹

Прозаический фольклор Груманта (Шпицбергена), по формулировке Г. Гебеля, — «потерянного русского владения»,² записывался фрагментарно. Ряд «грумантских» сюжетов разбросан по изданиям второй половины XIX–XX в.³ Наиболее полно грумантский фольклор представлен в публикации А. В. Харитоновой «Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене)», опубликованной в середине XIX в.⁴

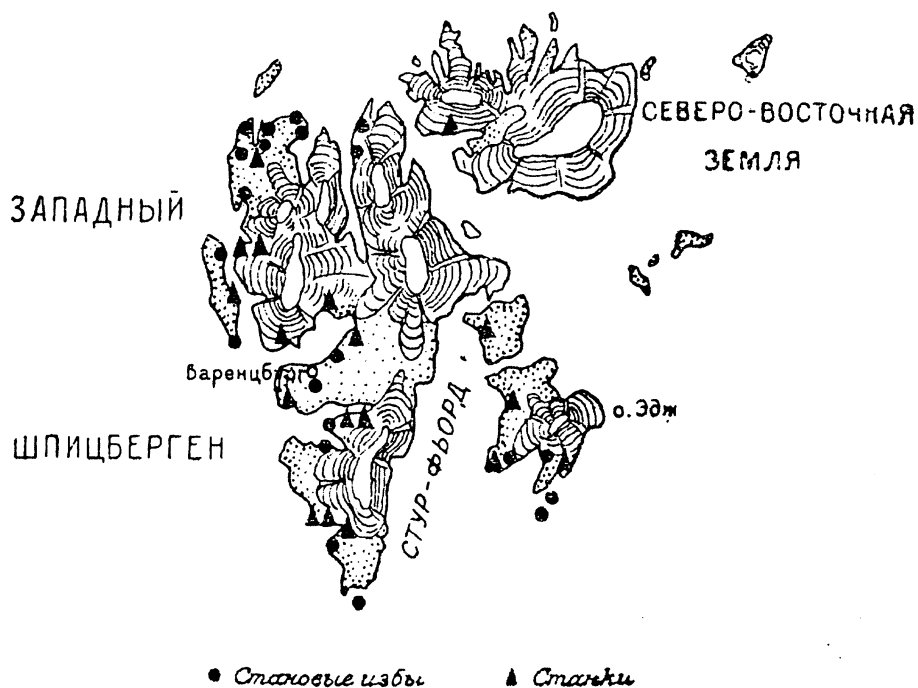
Этот труд не лишен недостатков, присущих, впрочем, большинству фольклорно-этнографических исследований своего времени. В частности, в нем отсутствуют паспорта записей, нет указаний на принципы и методы сбора материала. «...Вообще из всей формы сообщения автора видно, что

¹ *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии (Из летней экскурсии 1916 г.) // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. 111–112 (СXI–СXII). № 3–4. С. 64.

² *Гебель Г.* Грумант (Шпицберген) — потерянное русское владение // Русское судоходство. 1908. № 9. С. 27–43; № 10. С. 72–90. Уточним: Шпицберген (Грумант) — архипелаг, состоящий из нескольких островов.

³ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко // Известия ИОЛЕАиЭ. М., 1878. Т. 30, вып. 2: Народная словесность (Труды этногр. отдела. Кн. 6). С. 234–236; *Рыбников П. Н.* Заонежские поверья // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 4 ч. 1-е изд. СПб., 1867. Ч. 4. С. 219–233; Неизданные материалы экспедиций на Русский Север: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. статья, сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011. С. 247–249. Здесь я не перечисляю бытовые («технические») описания грумантских промыслов; такие публикации в источниках XIX и особенно XX вв. более многочисленны.

⁴ *Харитонов А. В.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене): Из заметок шенкурца // Отечественные записки. 1849. Т. 66. № 10. С. 282–298.

Карта расположения старинных русских становищ
на Шпицбергене (по В. Ю. Визе)

он собирал данные о быте и верованиях грумманланов у промышленников родом преимущественно из Двинской губы, — рассуждает Г. Гебель, — причем он даже смешивал названия Летнего и Зимнего берегов и вовсе не упоминает о мезенцах, лучших и поныне еще зверобоях беломорского бассейна».⁵

Тем не менее именно работа А. В. Харитоновна, где поверья и прозаический фольклор русских зимовщиков увязаны с подробным описанием их

⁵ Гебель Г. Грумант (Шпицберген) — потерянное русское владение // Русское судоходство. 1908. № 10. С. 81. Особо прославлены в истории Шпицбергена мезенский корщик (кормщик) Алексей Химков и трое его товарищей. Потеряв свою ладью и оставшись на побережье с одним ружьем, топором, ножиком, огнивом, трутом, котелком и 20 фунтами муки, они прожили здесь 6 лет, в 1749 г. были случайно обнаружены судном Шуваловской компании и доставлены в Архангельск. Через несколько лет Химкова вызвали в Петербург. В беседе с академиком Ле Руа, написавшим впоследствии книгу «О приключениях четырех российских матросов, к острову Ост-Шпицбергену бурей принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили», Алексей Химков предстал «наблюдательным исследователем, одним из пионеров освоения Арктики». «Заинтересовавшись рассказом Химкова, граф Шувалов отправил на остров судно, которое перезимовало там и привезло много данных, подтверждавших слова корщика» (Ставицкер М. Русские на Шпицбергене. М.; Л., 1948. С. 27–30). О современных уточняющих версиях полярной эпопеи Химкова (Инкова) и его товарищей см.: Шульгин Н. В., Санакина Т. А. Окладникова слободка. Архангельск, 2004. С. 28.

быта, особенностей промысла, остается едва ли не единственным источником сведений подобного рода. Она неизменно входит в библиографии, посвященные исследованиям о Шпицбергене,⁶ и столь же неизменно в этих исследованиях цитируется (ссылается нее и Г. Гебель).

Центральный для грумантских сюжетов, публикуемых А. В. Харитоновым, — образ Грумантского Пса, духа-«хозяина» Груманта, который «живет в каменных расщелинах утесов Шпицбергена, не скучая». «Грумантский Пес, по рассказам крестьян, имеет способность гулять ветром по водам океана. Так, если у него оскудеет годичный запас вина, он перелетает северным ветром на Нордкап и выжидает там судов с ромом и спиртом. Когда суда, нагруженные этим добром, подплывают к Нордкапу, он надувает паруса их резким южным ветром, ломает снасти, разметывает суда по доскам и плавающие бочки с ромом и спиртом гонит волнами на свой каменный остров. Крестьяне-промышленники нашли где-то на острове необъятной величины вертеп, пещеру, самой природой устроенную в каменных горах. Живое воображение их сейчас создало из этого грота — банную каменку. И вот крестьяне рассказывают, что Грумантский Пес всякий раз топит баню и парится в ней; что они видели каменку, которая была еще довольно тепла, и что будто подле каменки видели они, соразмерные с каменкой, охвостанные и опаренные веники».⁷

А. В. Харитонов именует Грумантского Пса «духом гор»,⁸ однако этот образ полисемантичен и включает черты, характерные для представлений о «хозяевах» земли (подземных недр), лесов и охотничьих угодий, которые бытуют на севере, северо-западе и северо-востоке России. Он «схож с человеком», но наделен сверхъестественными способностями и меняет обличья: огромен;⁹ «гуляет ветром»¹⁰ и любит

⁶ См., например: *Шидловский А. Ф.* Шпицберген в русской истории и литературе. СПб., 1912.

⁷ *Харитонов А. В.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 290.

⁸ Там же. С. 283.

⁹ Там же. С. 290. Ср.: Олон.: *Минорский П.* Из мира народных поверий жителей Вытегорского уезда (народные рассказы) // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края: в 4 вып. Петрозаводск, 1875–1876. Вып. 1. С. 44–45; Новг., Череп.: *Герасимов М. К.* Из преданий и поверий Череповецкого уезда Новгородской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. 39 (XXXIX). № 4. С. 130; Арх.: *Богатырев П. Г.* Вераования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии (Из летней экскурсии 1916 г.). С. 49; РО ИРЛИ, р. V, кол. 3, п. 3, № 28, л. 48; *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 47, и др.

¹⁰ *Харитонов А. В.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 290. Ср.: Олон.: Большая Шалга (сельский приход в Каргопольском уезде) //

выпить;¹¹ «шутит» над охотниками; «водит» их и морочит,¹² оставаясь незримым либо обращаясь в большого черного пса. Только лишь этот облик (черного пса) нетипичен для севернорусских «охотничьих» быличек, но традиционен для нечистого духа, дьявола, черта.¹³

Грумантский Пес — «хозяин» оленей, может предстать оленем; его сакрализуемое местопребывание — утес, схожий с гигантской человеческой фигурой. Излагая сюжеты о Грумантском Псе, собиратель сообщает легенду, согласно которой Грумантский Пес некогда похитил возлюбленную норвежского принца, удалившегося с ней на Грумант (этот принц будто бы и завез на Грумант оленей). Пропавшая девушка ненадолго показала возле утеса, напоминающего человека (точнее — фигуру человека, стоящего боком; именуемого русскими «Болван без шапки»),¹⁴ но тут же на месте девушки появился олень-самец, а принц был убит сорвавшимся с утеса камнем.

Олонецкие губернские ведомости. 1898. № 98. С. 970–971; Волог.: *Кичин Е.* Историко-статистические заметки по г. Тотьме и Кадниковскому уезду // АРГО, оп. 1, р. VII, № 15, л. 5 об.–6; Вятск.: *Осокин С. М.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. СПб., 1856. Т. 60: Ноябрь–декабрь. № 11. С. 28, и др.

¹¹ *Харитонов А. В.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 290. Ср.: Арх.: *Харитонов А. В.* Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии // Отечественные записки. СПб., 1848. Т. 57. № 4. С. 138; Олон.: *Барсов Е. В.* Северные сказания о лембоях и удельницах // Известия ИОЛЭАиЭ. Труды этногр. отдела. М., 1874. Т. 13, кн. 3, вып. 1. С. 90; Новг.: *Перетц В.* Деревня Будогоща (Тихвинского уезда Новгородской губернии) и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 6–7, и др.

¹² *Харитонов А. В.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 291–292. Ср.: Арх.: *Озаровская О. Э.* Из дневника фольклориста // На Северной Двине. Сборник Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1924. С. 5; Твер.: *Плетнев М. А.* Домовые и лесовики Тверской губернии // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 314–315; Неизданные материалы экспедиций на Русский Север: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. С. 60, и др.

¹³ Арх.: *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии (Из летней экскурсии 1916 г.). С. 45; Новг.: *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. С. 74; Новг., Белоз.: Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2013. С. 408, и др. Ср. поверье: черных животных в домах не держат, считая, что в них живет злой дух (Новг., Череп.: АРЭМ. № 813:7).

¹⁴ В сборнике «Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв.» название утеса приведено мною неверно (с. 690 — «Болван с шапкой»).

Ссылаясь на эту легенду, русские промышленники, «при первом шаге» по земле Шпицбергена, приносили Грумантскому Псу умиловительную жертву: оленя-самца, которого бросали к подножью достопамятного утеса.

Хотя поверья и рассказы о Грумантском Псе, норвежском принце и утесе «Болван без шапки» были вполне усвоены русской фольклорной традицией и, по сведениям А. В. Харитонов, «всенародны» (т. е. известны крестьянам-груманланам устья Двины, жителям Мудьюги, Золотицы, Койды, Кандалакши, Поноя),¹⁵ в них преломились иноэтничные влияния и реалии.

Остановимся на тексте, который, в противоречии с немифологизированной историей грумантских зверобойных промыслов, отводит норвежскому принцу (своеобразному «культурному герою») существенную роль в обустройстве Шпицбергена. Суверенитет Норвегии над архипелагом был утверждён лишь в 1920 г.; весь предшествующий период времени Шпицберген — «ничейная» территория.¹⁶ Несомненно посещавшийся в IX–XII вв. норманнами (возможно — и русскими), после официального открытия Баренцом в XVI в. и до конца XVII в., когда число китов резко сократилось, Шпицберген оставался сферой преимущественного интереса китобоев Англии, Голландии, Дании, напряженно соперничавших друг с другом (русский китобойный промысел никогда не был здесь особо значим либо успешен).¹⁷

«О знакомстве русских со Шпицбергенем в XIV в. говорят предания рода Старостинных, промышлявших сотни лет на Груманте. По этим преданиям, Старостины начали плавать на Шпицберген до основания Соловецкого монастыря, то есть до 1435 года».¹⁸ Первые письменные свидетельства о зверобойном промысле, развиваемом русскими промышленниками, датируются XVII в.; расцвет русских зверобойных промыслов, когда на Грумант ежегодно уходило до 2000 человек, пришлось на вторую половину XVIII–начало XIX в.¹⁹

Упоминания о норвежских промысловиках-зверобоях до начала XIX в. единичны: по одной из версий, первая норвежская зимовка на Шпицбер-

¹⁵ Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 283–284.

¹⁶ Шпицберген // Большая советская энциклопедия. М., 1957. Т. 48. С. 170. В 1925 г. Шпицберген был официально объявлен частью Норвегии и вошел в состав округа Свальбард.

¹⁷ Ставицкер М. Русские на Шпицбергене. С. 10–11, 15–19; с. 24–25 (о развитии русского китобойного промысла).

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Гебель Г. Грумант (Шпицберген) — потерянное русское владение // Русское судоходство. 1908. № 9. С. 32, 34.

гене состоялась в 1822 г.²⁰ Согласно сведениям, сообщаемым самими норвежцами (в частности, сотрудниками университета г. Тромсё), жители Норвегии занялись здесь активным промыслом с 20-х гг. XIX в. и учились при этом у русских.²¹ Но если норвежские зверобойные промыслы начали развиваться на Шпицбергене лишь в 20-х г. XIX в., то едва ли легенда о появлении на архипелаге оленей, широко известная в начале XIX в. русским промышленникам и обосновывающая устоявшийся обряд, могла сложиться под норвежским влиянием. Легенд о Шпицбергене или хотя бы сходных представлений, мотивов нет и в норвежском Указателе Кристиансена²² (материалы этого сравнительного указателя «мигрирующих легенд» ограничены, и поиски аналогов должны стать предметом дальнейшего углубленного исследования). Пока возможны два предположения: истоки легенды о норвежском принце (предположительно сложенной русскими) следует искать, с одной стороны, в наличии на Шпицбергене Земли принца Карла и Земли короля Карла,²³ а с другой — не в совместном промысле, но в давних и тесных торговых отношениях России (Архан-

²⁰ Шпицберген. С. 169–170. Напомним, что в этот период и вплоть до конца XIX в. самостоятельным государством Норвегия не являлась. В статье А. В. Харитоновой упоминается о китобойном промысле датчан и норвежцев, пользующихся «огромными трехмачтовыми бригами», — в отличие от русских, кои «в лодьях величиною со шхуну среднего размера» достигают грумантского побережья «за разными промыслами» (Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 282–283).

²¹ Отмечу: приведенные сведения, частью почерпнутые на выставке, посвященной русско-норвежским отношениям, которая проводилась в Областном краеведческом музее г. Архангельска (2012 г.), могут быть не вполне достоверными, поскольку олень — одно из основных млекопитающих Шпицбергена и важный объект промысла — в экспозиции вообще не упоминался.

²² *Christiansen Reidar Th.* The Migratory Legends: A proposed list of Types with a systematic Catalogue of the Norwegian Variants // FF Communications, edited for the folklore fellows. Helsinki, 1958. Vol. LXXI. N 173.

²³ Это предположение можно обосновать, в частности, тем, что на Земле принца Карла («Принц Карл Форланде») в XIX в. имелись «ветхие русские зимовья и масса крестов» (Гебель Г. Грумант (Шпицберген) — потерянное русское владение // Русское судоходство. 1908. № 9. С. 40). Здесь же был обнаружен фрагмент корпуса русского судна (Кошечкин Б. И. Боже, дай нам ветра: Кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992. С. 119). Рельеф самого острова наводит на мысль о том, что он мог быть местом обрядового действия, описанного в легенде: над равнинным побережьем круто поднимаются горы; одна из них необычной седловатой формы, см.: Нансен Ф. Собр. соч. Т. 4: Шпицберген. Л., 1938. С. 98, 144. Однако точное местонахождение утеса «Болван без шапки» (несомненно, конкретного, хотя легенда о нем и была «общерусской») установить пока не удастся; координаты, приведенные А. В. Харитоновым, с большой вероятностью ошибочны.

гельска в особенности) и Норвегии, особо существенных для русских промышленников-груманланов.

По воспоминаниям Фритьофа Нансена о норвежском Хаммерфесте, «маленькая гавань этого самого северного в мире города была битком набита главным образом русскими шхунами, приходящими сюда закупать рыбу и солить ее здесь для продажи на побережьях Белого моря».²⁴ В XVIII–первой половине XIX в. возвращение русских с Груманта включало обязательную остановку в Северной Норвегии, сопровождаемую сбытом продуктов промысла и длительной «гульбой».²⁵ Как уточняет А. В. Харитонов, промысловики «гуляли» на Варгаеве (в Вардё. — М. В.).²⁶ Варангерская ярмарка близ Вардё или «торг в пределах Варангерского залива» привлекали норвежцев и русских уже с XVI в.

Истинная национальность принца (либо короля) Карла (вероятнее всего — англичанина или шведа), давшего имя одному из островов архипелага, для фольклорного сознания определяющего значения не имела. Появление на отдаленных морских островах оленей, занимавшее умы ученых и промысловиков, последние объяснили созидательной деятельностью предприимчивого норвежца. Согласно менее затейливой легенде, также приводимой А. В. Харитоновым, на Шпицберген оленей привез «королевич с Норвегии»: желая стать владельцем архипелага, он послал к нему несколько кораблей с людьми и припасами, включая оленей. Не выдержав зимовки, люди погибли; около десяти норвежцев «с усилиями сверхчеловеческими кое-как добрались до Тромсена (Тромсё. — М. В.)», и с тех пор никто не пытался поселиться на Шпицбергене. Но привезенные олени расселились по архипелагу.²⁷

Можно допустить, что, по аналогии с известной и бытовавшей по крайней мере на протяжении столетия «Песней о Груманте», фрагменты которой впервые опубликованы в 1849 г. А. В. Харитоновым,²⁸ легенда

²⁴ Нансен Ф. Собр. соч. Т. 4: Шпицберген. С. 27–28.

²⁵ Ставницер М. Русские на Шпицбергене. С. 48.

²⁶ Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 293.

²⁷ Там же. С. 282.

²⁸ Позднее эту песню, сообщенную «одним из мезенских стариков», С. В. Максимов опубликовал полностью; почти тождественный текст был записан в 1872 г. «от старого мастерового холмогорца». В 1939 г. «Песню о Груманте» записала в Зимней Золотице Э. Г. Бородина-Морозова; в 1950 г. Н. И. Рождественская слышала от пожилых крестьян Койды и Мезени ее сокращенные варианты. «Бытование песни про Грумант в различных местах Архангельской области указывает на то, что в прежнее время она была популярна в промысловой среде, ее однотипность дает основание думать, что она распространялась также через рукописные сборники» (О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Сборник Н. И. Рождественской. Архангельск, 1952. С. 178).

о норвежском принце и Грумантском Псе, ставшая на севере России «всенародной», имела конкретное авторство. Здесь мы едва ли выйдем из области предположений, хотя примеры «индивидуального творчества» русских промысловиков, воспевавших суровые северные красоты, используя при этом традиционные фольклорные мотивы и образы, не единичны. Ср. строки, сложенные постоянным жителем становища Гаврилово, сыном первопоселенцев Яковом Редькиным (Мурманский берег Кольского полуострова, XIX в.):

«Мох на кипаках сереет,
 Во ущельях снег белеет,
 На лугу трава поблекла,
 Чевры видны издалека.
 В становище в станах пусто,
 На Глядню народу нет:
 На Глядню народ не ходит,
 В Кемской губке старцы спят...».²⁹

Спящие старцы — два камня, напоминающие по форме сидящих людей (камень, находящийся западнее, — норвежский старец, восточнее — русский). «Весною, явившись на Мурман, рыбаки по наличию на них снега и льда угадывали, где будет успешнее промысел: если в колпаке, то есть покрыт на вершине снегом, норвежский старец, то промыслы будут удачнее к западу от Кольского залива; если в колпаке русский старец, то рыба будет лучше ловиться на “Русской стороне”».³⁰ Оживотворение камней необычной формы, скал, утесов распространено по всему Русскому Северу и характерно для ситуации прибрежного (островного) промысла либо опасного прибрежного плавания. По свидетельству путешественника и картографа Антония Дженкинсона (1557 г.), у мыса Святой Нос располагался большой камень, «которому проходящие лодьи обыкновенно приносили в жертву масло, муку и другие припасы, полагая, что в случае отказа в этом приношении лодьи и другие суда должны погибнуть, что часто и случалось».³¹ Эти же сведения приводит С. Герберштейн.³²

²⁹ Ушаков И. Ф. Кольская старина // Избранные произведения: Историко-краеведческие исследования: в 3 т. Мурманск, 1998. Т. 3. С. 320. Кипаки — большие камни на скалах; чевры — небольшие валуны между горами и на берегу моря; Глядень — гора, с которой наблюдали за морем; Кемская губка — заливчик (Там же).

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 319.

³² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 201.

Во всяком случае нельзя не отметить сходства легенд, сложенных на Груманте и на Кольском полуострове (мимо него, кстати, пролегал путь на Грумант): почитаемый утес — «Болван без шапки», приметный камень — «старец в колпаке». И старец и «болван» (каменный идол?) влияют на удачу в промысле.

Сходство это, скорее всего, — типологическое, подпитываемое верованиями восточных саамов, которые искони населяли внутреннюю территорию и побережья Кольского полуострова, контактируя на протяжении столетий с русскими поселенцами и промышленниками, ходившими, по данным XVI в., и на Грумант.³³ Саамский культ сейдов (камней причудливой природной либо рукотворной формы, олицетворявших или заключавших в себе предков-«хозяев» промысловых угодий) не терял значимости вплоть до начала XX в.³⁴ Поверья и повествования, связанные с сейдами, отчасти трансформировавшиеся под влиянием христианства, проникли в русский промысловый фольклор. Ср. предание о черте, обитавшем на одной из скал Кольского залива, преграждавшем путь судам, но изгнанном Варлаамием Керетским,³⁵ рассказы о злых духах, населявших прибрежные скалы,³⁶ а также былички о Ваньке Нордкапском, записанные на Мурманском берегу Кольского полуострова,³⁷ где сохранялись саамские погосты. Эти былички включают мотивы и образы сюжетов, распространенных на Русском Севере, интерпретируемые в соответствии с условиями местного быта. Ванька Нордкапский — «рогатая погань» или сотан, отождествляемый с вредоносным нечистым духом (чертом, Сатаной); он «хозяин» вод — насылает шторм, «водит» на море досадивших ему рыбаков (редкие, едва ли не единичные мотивы для севернорусских быличек). Он же — «хозяин» побережья, пекущийся то ли о покое воды, то ли о неподвижности камней.

³³ Филиппов А. М. Датский документ о посещении Шпицбергена русскими в XVI в. // Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. 4. С. 441.

³⁴ «Вопрос о времени возникновения культа сейдов сложен и не решается вне связи с саамским этногенезом. Скорее всего, он зародился у древнейшего населения Фенноскандии, где камень составляет существеннейшую часть ландшафта, и был воспринят пришлым финноязычным населением, а затем стал частью общей саамской культуры» (Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 131).

³⁵ Ушаков И. Ф. Кольская старина. С. 314.

³⁶ В конце XIX в. морской офицер Н. В. Максимов был удивлен обилием крестов на Мурманском берегу Кольского полуострова. «Большинство их указывало входы в бухты и выходы из становищ, но некоторые стояли так, что не могли служить навигационными знаками. На вопрос, зачем они воздвигнуты, поморы отвечали: «Старики выгоняли этими крестами злых духов со скал»» (Там же. С. 319).

³⁷ Россиев П. Северная Русь. М., 1903. С. 53–54, 100–103.

«Какое дело делает рогатая погань — диву даешься! Камень, к примеру, лежит на берегу. Лысый камень, — ну, кой в ем прок? А сотан, поди-ка, даст тебе его? Ни за что! (На Мурмане ни один помор-промышленник, никакой покрученик, ни одна баба не сбросят в море берегового камня (комментирует собиратель. — М. В.). Сбрось, — да потом с сотаном не развяжешься. Изведет вконец».³⁸

Образ «хозяина», ревниво оберегающего покой камня, в данном случае определенно соотносим с сейдом лопарских поверий: камнем и одновременно — духом-«хозяином» камня, который не терпит непочтения, шума и суеты. В иных, отчетливо христианизированных контекстах зловредный «хозяин» камня (скалы) — черт, изгоняемый силой креста и молитвы. «Оживотворенным и деятельным», как было показано выше, рисуется нередко и сам камень, причем значимость исключительно саамских влияний в подобных случаях далеко не очевидна.³⁹ Представления о камнях как о живых и растущих существах, заклиняемых безымянным святым либо самим Иисусом Христом, и соответствующие сюжеты неоднократно фиксировались в Олонецком крае, в Архангельской губернии (области).⁴⁰

Круг верований и сюжетов, связанных с каменным «Болваном без шапки», многопланов. «Болван без шапки» — не только особо значимое местопребывание духа-«хозяина» Шпицбергена, но, возможно, — его ипостась. Путь «в голомя» с Груманта на Нордкап прокладывался именно от человекоподобного утеса.⁴¹

«Хозяин» Шпицбергена появляется на утесе в обличье оленя; «для удачи в промысле» оленя-самца приносят в жертву у его подножия, для той же удачи промысловик может заключить с духом-«хозяином» договор.⁴² Все эти грумантские поверья, обряды, сюжеты интерпретируют мифологему,

³⁸ Там же. С. 100.

³⁹ Ср. верования ненцев — соседей промысловиков-мезенцев: необычной формы горы, камни, крупные валуны — «хозяева» места (Прибалтийско-финские народы России. С. 135).

⁴⁰ Мифологема «живого», оживотворяемого камня, духа-«хозяина» либо предка в обличье камня, живущего в камне, получила неожиданное развитие в наши дни. Так, экскурсоводы Музея поморской культуры и быта Терского района Мурманской области периодически вынуждены объяснять экскурсантам, что на территории Кольского полуострова не располагалась некогда Гиперборея и не было могущественных сейдов либо сакральных точек сообщения с высшими силами, из-за чего в XX в. Гитлер так стремился захватить Кольский полуостров. Немалый вклад в развитие этой «интернетской» легенды вносят ролевые игры, которые систематически проводятся в Хибинах.

⁴¹ Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 284.

⁴² Там же. С. 292–293.

в древности распространенную среди племен и народностей Беломорского севера, Приуралья, Алтая: олень (лось)-человек (предок, тотем), «хозяин» и покровитель оленей, хранитель населенной ими земли.⁴³ Интересно, что в фольклоре Груманта образ «хозяина» оленей двоятся: это и Грумантский Пес, «хозяин» Шпицбергена, и принц-пришелец, который привозит оленей, но изгнан исконным владельцем. Впрочем, такая коллизия, вероятнее всего, — результат случайного столкновения разных по происхождению и направленности текстов.

Обряд принесения в жертву оленя, нетрадиционный для русских Севера России, скорее всего, заимствован мезенскими и мурманскими промышленниками у иноэтничных соседей — ненцев, саамов.⁴⁴ Промыслы груманланов, прибывавших на Шпицберген в конце лета, «начинались стрелянием оленей», длившимся до середины октября и в значительной степени обеспечивавшим пропитание зимовщиков. Оленьим мясом «питались во всю зиму». «По рассказам их (промысловиков. — М. В.) мясо грумантского оленя удивительно нежно сравнительно с мясом оленя архангельского, кольского, мезенского и каня-носовского (Канин Нос); ни с одного холмогорского быка <...> не снять столько сала, сколько можно снять с грумантского оленя».⁴⁵ Неудивительно поэтому, что промысловый сезон открывало коллективное жертвоприношение духу — «хозяину» Шпицбергена и оленей.

Особенности оленьего промысла на Шпицбергене, где важнейшую роль играла хорошая охотничья собака,⁴⁶ повлияли на формирование образа «хозяина» архипелага (огромный пес — одна из его ипостасей). Специфична и сюжетика некоторых быличек, включающих традиционные мотивы мороченья охотников в необычной разработке (мотивы «вождения лаем» в русской сказочной прозе единичны).

⁴³ Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965. С. 104; Токарев С. А. Самодийские народы // Этнография народов СССР. М., 1958. С. 489–490.

⁴⁴ См.: Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. С. 70–78. Ср. также наблюдение Д. К. Зеленина, согласно которому «двоеверие» было весьма широко распространенным явлением и не только в случае христианства, но и по отношению к «инородным» богам. Языческие боги и духи «часто почитались богами-покровителями отдельных определенных местностей, а потому соседние народы, соприкасаясь с известною местностью, долгом своим считали приобщиться к культуре данного божества, то есть выполнять те же обряды, которые выполняются по отношению к этому божеству чужим, но соседним народом» (Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1. С. 013).

⁴⁵ Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 286, 282.

⁴⁶ Там же. С. 290–291.

«Иду с востока и чую, слушай, ребята, — чую вот как теперь вас чую: лает моя Сура на западе. По лаю признаю, что гонит оленя (*по непрерывному, заливному лаю крестьяне узнают, что собака преследует оленя; прерывающийся, отхватистый лай значит, что она гонит какого-либо, другого зверя.* — Курс. А. В. Харитонов. — М. В.).

Обзадорило, знаешь. Бегу, ничего не вижу, что силы есть бегу. Вдруг... возьми: все замолчало! Я стою, слушаю... мало: залаяло в глубинке!

Верьте, ребята: по голосу — совсем моя Сура лает! Бегу, а сам, знаешь, на пути подлаживаю, чтоб лыжи не сильно скрипели: надо опять лая не утерять.

Бегу версты три-четыре, опять то же: все замолчало!

Тут и я, братаны, оплыл: чему быть, думаю, Грумантский Пес подшутил, больше положить не на что. Вынул из-за плеч малицу, откинул чебак, повалился в снег, прибился. «Будь что будет, — думаю, — а я отдохну».

Не успел озабыться, слушай, ребята, Богу верь: чую — во всех сторонах лай, да такой звонкий, отхватистый, что у меня волос в щетину пошел». ⁴⁷

Совершив необходимый обряд, ⁴⁸ охотник мог заручиться покровительством Грумантского Пса. Как и в других регионах России, такой договор считался опасным и греховным. «Если этот промышленник умрет на Шпицбергене, то тело его, зарытое в землю или засунутое в щель горы, лежит неповрежденным. Эти не сгнившие тела, лежащие — иные в земле, иные — при смерти зарытые в снег, на поверхности земли, сливуют у промышленников еретиками. Один из промысловиков сказывал, что сам он имел случай видеть подобное тело в одном из разлогов гор: «Лежит мужик с рыжей бородой, в сером армяке. Я колонул прикладом пищали в лоб — бречит, как деревина: дерево, дерево и есть»». Широко распространенные на Севере России представления о еретиках, т. е. о людях, занимавшихся при жизни колдовством либо знавших с нечистой силой и не находящихся после смерти успокоения, ⁴⁹ окрашены мрачным местным

⁴⁷ Там же. С. 291–292.

⁴⁸ «Желающий снискать дружбу Грумантского Пса ночью, во время новолуния, отправляется один в пещеру утеса Болван без шапки, взявши с собою нож. Пришедши в пещеру, он очерчивает ножом около себя круг и втыкает нож вне черты круга. Затем он слышит громкий собачий лай, исключая его, никому не слышный. Спустя некоторое время, в глухую полночь, вбегает в пещеру огромный черный пес. Тогда промышленнику остается только ходить за лаем его» (Там же. С. 292).

⁴⁹ Еретик — колдун, умерший без напутствия и христианского погребения, который не владеет руками (они сложены крестом), но имеет острые зубы. — Арх.: Харитонов А. В. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии. С. 146–147. «Злые колдуны и по смерти своей не дают покоя крещеным и делаются ерестунами». — Олон.: Рыбников П. Н. Заонежские поверья. С. 223. «Покойник встал и начал осматривать, где жена. Вот розсмотрел он жену на пече

колоритом. На протяжении десятилетий непогребенные и «закоченелые от мороза» тела погибших промышленников находили на островах архипелага повсеместно.⁵⁰

Неслучайно в поверьях и сказочной прозе Груманта так пронзительна тема горькой участи зимовщика — не оплаканного родными, лишенного христианского погребения.

«Раз с двумя товарищам я пошел на охоту на промысел, на отъезд в море, на остров, по названью на Грумант. <...> Время тёмно, охоты не предвиделось. Живем, значит, у нас один товарищ заболел. И похоронили товарищча. Ночью сънитца сон. “Товарищчи, будити на родине, так пускай родители благословят, зьдесь так земля не примает!”».⁵¹

Особое звучание приобретает один из повсеместно бытовавших сюжетов — о непреложности материнского проклятья и благословения. Сын, проклятый матерью, «не принят» матерью-землей; «не живет и не умирает», пока не испросит прощения.⁵² В версии, сообщенной П. Н. Рыбникову «со

и пошел тихонько к пече, а под им половици выгибаются, скрипят. Подошел он к голбцу, — а на печь вылезти надо: зубами золезными шелкает, к голбцу грудью наваливает... <...> Он отступил и опеть напирает: съесть, вишь, надо; а вылезть не может, потому руки крестом на груди сложены были, так и не может от груди своей отнять». — Волог.: *Едемский М. Б.* Из кокшеньгских преданий. IV. Еретики // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 214. Ареал распространения поверий о еретиках (еретниках, ерестунах) достаточно широк и охватывает север, северо-запад и северо-восток европейской части России, Поволжье, Урал, Сибирь (Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9. С. 21–24). В перечисленных регионах еретиком может именоваться грешник, заподозренный в ересьях; колдун (Там же).

⁵⁰ Эти трагические находки могли быть связаны и с неудачными попытками колонизации Шпицбергена, предпринятыми англичанами и голландцами (XVII в.), и с неудавшимися зимовками (*Ставницер М.* Русские на Шпицбергене. С. 17–19, 50; *Кошечкин Б. И.* Боже, дай нам ветра. С. 134). В 40-х гг. XIX в. датчане обнаружили в одном из «становых станков» 18 замерзших трупов русских промышленников, о чем сообщили в Архангельск (*Харитонов А. В.* Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 286).

⁵¹ Неизданные материалы экспедиций на Русский Север: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. С. 247.

⁵² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 3. С. 67–68; Сказки и притчи, записанные в Шадринском уезде А. Зыряновым // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 163–164; *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пг., 1917. С. 308–309 (Записки РГО по отд-нию этнографии. Т. 44, вып. 1 и 2); *Ширский А. А.* Из легенд Ветлужского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1923. Вып. 29: Третий этнографический сборник. С. 10. См. также: СУС 779В*=АА*766А Наказание за непочтение к матери (отцу); СУС -779С** Сила проклятия.

слов промышленников с Груманта», мертвец, обитающий в подполье промысловой избушки, спасает зимовщика от покойника-промысловика, который хочет сгубить своего бывшего напарника. «В урочное времячко, как зашевелился Иванов товарищ на столе, полез и другой мертвец из подполья. И пошла между ними драка великая <...> Как очнулся из забытья, слышит — кто-то чавкает, ан это костяк его товарища грызет, работает над ним, не прокладаячись. Съел он ему голову и пал Ивану в ноги: “Теперь, — говорит, — я пойду в свое подполье и твоего недруга возьму. А ты, Иванушка, как будешь дома, в Заонеге, сходи в такую-то деревню: живет там ветхая старушонка, моя матушка, ей более ста и семидесяти годов. Как был я жив, не почитал ее, все ей насупротив делал, и завел я всяким беспутством заниматься, до того дошел, что с родною сestroю любовь свел, а когда она от меня понос понесла, то я стыда ради ушел на Грумант, без матерня благословления. За это матушка прокляла меня такую клятвой, что меня мать сыра земля не принимает, а у ней Господь не берет души со белых грудей. И Расскажи ты, Иванушка, ей про мое великое горе, авось меня помилует, тогда и ее Господь Бог отпустит со бела света. А коли не захотит простить, проси ее о том неотступно со священником”» (Иван и священник уговаривают старуху простить сына; «и земля его принимает»)).⁵³

В тексте, опубликованном П. Н. Рыбниковым, тело сына-грешника отвозят на родину и хоронят в освященной земле. Однако и неплодородная, скованная вечной мерзлотой земля Груманта в предсмертный час становилась «матерью-исповедницей» зимовщика. «На Груманте, Новой Земле и других необитаемых островах океана, в отдалении от жила, ни один из промышленников не позволит себе умереть, не исповедав своих грехов хотя бы товарищу. <...> Если бы даже не было ни одного человека близ умирающего, то он исповедует грехи свои земле: “Мать, сырая земля! Я грешен Богу в том и в том, прими мое грешное тело!”».⁵⁴

Русские промысловики были, однако, весьма стойкими, опытными зимовщиками. Ср. описание русской зимовки на Западном Шпицбергене, составленное английским судовым фельдшером Бакштремом (1780 г.): «В прежние времена голландцы вываривали здесь обыкновенно сало, почему и место это называется Смерсбург. Пройдя около 6 английских миль на север, мы увидели русское поселение. <...> Наши подарки были приняты с благодарностью, и русские отдали нам дюжиною шкур белых песцов, двумя ржаными хлебами, тремя копчеными оленьими языками

⁵³ Рыбников П. Н. Заонежские поверья. С. 231–234. См. сюжет со сходными эпизодами, но без упоминания конкретного места зимовки: Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975. С. 105–106.

⁵⁴ Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 288.

и двумя копчеными оленьими окороками. Жилище русских было разбито на две большие половины, каждая площадью в 30 квадратных футов, но с таким низким потолком, что я в своей меховой шапке задевал за него. Посредине дома стояла круглая печка, которая одновременно согревала помещение и служила хлебопечарней; она отапливалась плавным лесом, который массаами выбрасывался на берег. Большая труба служила одновременно для вывода дыма и для копчения мяса. К трем стенам переднего помещения прибиты были лавки, шириною в 3 фута, покрытые медвежьими шкурами, на которых спала команда. Постели капитана и фельдшера постланы были шкурами белых песцов, а кровати штурмана, плотника и некоторых других — овечьими шкурами. Стены помещения были гладки и замечательно чисты. Гладкий и чистый потолок был сбит из толстых ровных досок. Свет попадал в помещение через достаточное количество стеклянных окошек в 2 квадратных фута величины, пол же был глиняный» (сруб дома из толстых бревен был тщательно проконопачен, крыша из сосновых досок — прибита гвоздями к стропилам).⁵⁵

Подробные сведения о состоянии промыслов на Шпицбергене собрала экспедиция бургомистра города Бурштейда Барто Левенинга (1827 г.), автора книги «Путешествие на Шпицберген». Описывая русское становище в восточной части архипелага, где располагались два вместительных бревенчатых дома и две бани, Левенинг именует его «раем промышленников». По его предположению, в XVII в. здесь находилась голландская фактория, о чем свидетельствовали кости китов, остатки саловарни и уцелевшие части палатки (голландцы жили на фактории два-три летних месяца). В куда более основательном русском поселении (очевидно, становище посещали через каждые два года) в ожидании хозяев «лежало десять лодок, несколько железных горшков, две лоханки, железный треножник, токарный станок, шашечная доска, несколько колод карт, деревянные тарелки и ложки, глиняные лампы, колодка для детских башмаков, шелк для вязания сетей».⁵⁶

Ряд ценных свидетельств о быте и промыслах Шпицбергена содержат ответы архангельских промышленников на вопросы, поставленные Российской академией наук, в ходе работы над проектом достижения Северного полюса на собаках (начало XIX в.). Избы, срубленные из тонких бревен, промышленники привозили с собой; их собирали очень быстро. «На конопатку шел мох, в котором не было недостатка. Печи выкладывались из кирпича, а если его не привозили, то делали печи из местной глины. Размер изб, которые ставили вдоль берега, колебался от 36 до 64 квадратных метров. Избы служили для жилья, а также для хранения пищи и охотничьих трофеев. Для отопления привозили из Архангельска дрова или собирали

⁵⁵ *Ставницер М.* Русские на Шпицбергене. С. 31–32.

⁵⁶ Там же. С. 34.

на берегу плавник. Промышленники брали с собой обычно запас провизии на восемнадцать месяцев: “ржаную муку, крупу и овсяную муку, солонину, сушеную и соленую рыбу, коровье масло, льняное семя, мед, горох, сыр”. Летом запасались на месте олениной. Иногда, в зависимости от условий охоты, приходилось менять стоянку, переходя с острова на остров. Переходы совершались на лыжах. Имущество перевозили на собаках, которых промышленники брали с собой из Архангельска для охоты на оленей. Зимой промышленники старались не ездить на далекие расстояния, а если приходилось попадать в пургу, то ложились ничком на землю и закутывались как можно плотнее. Время узнавали зимой по звездам, летом по солнцу».⁵⁷

Суда, прибывавшие на Шпицберген в конце лета, доставляя очередную партию зимовщиков, забирали перезимовавших промышленников и груз: моржовые клыки, шкуры белых медведей и песцов, гагачий пух и пр. Груманланы располагались в становой (основной) избе и небольших избушках-станках, находившихся в 20–40 километрах от становой избы. В публикации А. В. Харитонова становые избушки — жалкие сарайчики, наскоро сколоченные из барочных досок и покрытые мхом, тесные и смрадные.⁵⁸ Несмотря на некоторые преувеличения то в лучшую, то в худшую стороны, вышеприведенные описания отражают реалии XVIII в. (период расцвета русских грумантских промыслов) и первой половины XIX в. (время их быстрого упадка).

Приблизительно в середине октября, с наступлением полярной ночи, вплоть до середины февраля промысловики томились вынужденным бездельем. Многих неодолимо тянуло ко сну, а «через два добрых уповода спячки человек начинал цинготеть».⁵⁹

Гибельные «сонные грезы» способствовали распространению веры в то, что цинга на Груманте «ходит вявья», принимая обличья старухи, женщины, девушки. Такие облики, характерные для общерусских представлений о болезнях,⁶⁰ в севернорусском промысловом фольклоре трансформиро-

⁵⁷ Там же. С. 35–36.

⁵⁸ Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 285–286.

⁵⁹ Там же. С. 286–287.

⁶⁰ Лихорадки «являются женщинами во время сна»: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко // Известия ИОЛЕАиЭ. М., 1877. Т. 30, вып. 1 (Труды этногр. отдела. Кн. 5). С. 166. Девочка-немочь «пристает» к путнику, бредущему через реку: *Балашиов Д. М.* Сказки Терского Берега Белого моря. Л., 1970. С. 416–417. «Если перед болезнью больной видел во сне женщин, приветствующих его, то он видел в виде этих женщин свою болезнь. Если во время болезни он увидел женщин, ругающих его и собирающихся уходить от него, это значит, что он видел опять свою болезнь, и она скоро его оставит»: Волог.: Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX в. С. 318.

вались в образы страшной «цинги-старухи», сопровождаемой молодыми и прекрасными сестрами.

«Эту старуху-цингу считают старшей дочерью царя Ирода. Она имеет у себя одиннадцать сестер, из которых одни занимаются развитием цинги на острове, другие — обольщают промышленников, чтобы после погубить их. Груманланы говорят, что старуха с сестрами показывается иногда людям по время погод, когда ветер свистит в каменных утесах Шпицбергена. В это-то время видят старуху с сестрами через крутящийся в воздухе снег, освещенных синеватым, трепетным блеском северных сияний. Они поют под вой ветра: “Здесь нет ни петья церковного, ни звона колокольного, здесь все наше!” Груманланы описывают сестер старухи — красавицами. Говорят, что они способны принимать на себя образы женщин, почему-либо дорогих промышленникам».⁶¹

Цинга и ее сестры напоминают сестер-лихорадок традиционных поверий и заговоров, которые могли именоваться дочерьми царя Ирода или «царя Каина»; проклятыми дочерьми царя Соломона. Обычно лихорадок двенадцать: «сам тип представлений о двенадцати демонах — олицетворениях болезней — очень древен и имеет межэтнический характер».⁶² Наружность «двенадцати дев», «одетых во все белое, как одевают в крестьянстве мертвецов», чаще всего отвратительна.⁶³ Лихорадки «простовласы и окаянны видением».⁶⁴ Напротив, в одном из грумантских текстов девы-болезни — веселые гребцы огромного двенадцативесельного карбаса: «да такие разряженные, красивые, что так бы и прыгнул к ним с берега в карбас». Стремительно направляясь к берегу, они поворачивают обратно, узнав, что у промышленников есть противоцинготные средства (табак и кислая морошка).⁶⁵

В отличие от повсеместно бытовавших заговоров против лихорадки, заговоры от цинги в быту зимовщиков, по-видимому, не практиковались.⁶⁶ Дабы спастись, промысловики «наряжали друг друга навязывать узлы на веревки и снова развязывать, спарывать с полушубков овчинные заплаты и сновашивать, неослабно наблюдая, чтоб наряды эти были

⁶¹ Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 286–287.

⁶² Подробнее см.: Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 92–93. Лихорадок может быть и семь, десять, девятнадцать, сорок, семьдесят семь (Там же).

⁶³ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. С. 212.

⁶⁴ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Т. 30, вып. 2: Народная словесность. С. 205–209.

⁶⁵ Харитонов А. В. Русские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 287–288.

⁶⁶ Этот тезис требует дополнительной проверки.

исполняемы». Тех, кто поддавался сонному оцепенению, насильно таскали по снегу, заставляя держаться за середину длинной жерди; сталкивали со скалы в глубокий снег, вынуждая самостоятельно выбираться. Спать полагалось не более пяти часов в день. Описания разнообразных средств от цинги — обширная и содержательная часть литературы о Шпицбергене. Ср. один из ответов выгорецкого промысловика Амоса Корнилова на запрос, поступивший из Петербургской коммерц-коллегии (1747 г.). «Тамож-де промышленники от тяжелого воздуха весьма цинжавеют и от того много умирают, а для пользования-де себя от той болезни берут с собою ягоду морошку да сосновые шишки, да тамо под горами в таких местах, где птицы гнезда вьют, растет трава, которая называется салата, и тою-де травую от оной болезни промышленники пользуются, для чего-де оную траву и в зиму запасают. <...> В летнее-де время свежую салату парят в печи и варят на огне и в квасу, а как упрееет, то оную воду и квас пьют теплое; а и свежую по нужде кто пожелает, есть можно, а в зиму запасают квашеную наподобие капусты сеченой... <...> А растет та трава вышиной в четверть аршина и повыше, а листы у нее круглые, величиною с нынешний медный грошевик, а стебелек тонкий...».⁶⁷

Согласно сообщению конца XVIII в., «великим несчастьем» зимовщики считали отсутствие кислого молока и морошки, «из которой и из ржаного солода и воды, на сосновых шишках настоенное, делают они для себя кислое питье, называемое ставка, предохраняющее о цинготной болезни».⁶⁸

Развитую заговорную традицию вытеснил на Груманте ряд обычаев; тексты, содержащие описания персонифицированной цинги, структурированы как былички. Мотивы грумантских повествований о цинге имеют параллели в севернорусском прозаическом фольклоре. Ср.: «Тому уж много годов, слышал, будто бы цинга-старуха приходила к промышленникам на Новой Земле и валилась на нары. А потом вдруг и пропадет, и не знают, куда денется. Вот и цинжали, мало кто не оцинжает. Это старики сказывали, вот тоже и мой отец, бывало, говорил: промышляли морского зверя на Конушине, жили на горе, — высокая гора. Видят, девки с песнями из сопок-то и вышли. Направились к промышленникам, и всё ближе. Эти на уход скорее, в избу, избу заложили. А товарищ один остался. После он прибежал к ним в худых душах, повалился на нары, ничего не мог сказать».⁶⁹ Внезапное возникновение в тундре вереницы

⁶⁷ *Ставницер М.* Русские на Шпицбергене. С. 26.

⁶⁸ *Ушаков И. Ф.* Кольская старина. С. 336.

⁶⁹ О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Сборник Н. И. Рождественской. С. 103.

нарядных поющих людей трактуется в записях второй половины XX в. как «морок», непонятный и устрашающий.⁷⁰

Дева-цинга может «принять на себя» образ жены либо невесты промысловика. Очарованный красотой и ласками пришельцы, охотник погружается в грезы — слабеет, много спит. Сюжеты, основу которых составляет это поверье, пока неизвестны, — в отличие от быличек о сожительстве человека и лесного (водяного) духа или нечисти в женском облике либо проклятой девушки, попавшей во власть лесных (водяных) «хозяев». Подобные повествования, записанные на Русском Севере в многочисленных вариантах, версиях, нередко приурочены к ситуации промысла и разворачиваются по-разному: у людей, сожительствовавших с лесачихами, «сменяется кровь», они умирают;⁷¹ гибнет (исчезает) лесная чертовка.⁷² Встреча с человеком освобождает девушку от заклятия (проклятия), она становится женой промысловика и возвращается к людям.⁷³

В тексте, опубликованном А. В. Харитоновым, традиционные мотивы включены в иную сюжетную канву. Охотник-промысловик привлекает грумантскую «дикую девку» игрой на скрипке; она сожительствоует с ним, оберегает от цинги, помогает охотиться; рождает ребенка и «с воем» швыряет младенца вслед отплывающей ладье, когда промысловик решает вернуться на родину.⁷⁴

Более или менее сходный сюжет опубликован О. Э. Озаровской:

«Было это в Карманкулах Больших (к Маточкину Шару), зимовали промышленники. Скука там одолевает. Ну, вот был у них один Ондрей. У него из жил была сделана лита. Он играл. Вот он играет, а в темноте кто-то пляшет. Сальничек засветил — никоно нет <...> Он и придумал: на сальник горшочек надел. Заиграл. Затопотало. Он горшочек снял, увидел девку и схватил ее. <...> Девка стала бабой ходить. Это русалка была. Тут еще вранья есть: она и обрюхатела. Тут суда пришли за промышленниками. <...> Ну, вот они запоходить сряжаются. Тросики занесли за гору и якоря выкатили. Стоят за горой. Поветери дождались, тросы обрубил, и судно понеслось. Она увидела, выбежала на гору, ребенка разодрала, половину себе взяла, а другу свись на судно! Судно бы овернулось, да она

⁷⁰ Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. С. 195–196.

⁷¹ Сказки и предания Северного края / Сост., коммент. и вступ. статья И. В. Карнауковой. 2-е изд. СПб., 2006. С. 484–485; Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. С. 52–53.

⁷² Арх.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 3, п. 3, № 11, л. 18а.

⁷³ Арх.: Там же, л. 17; Сказки М. М. Коргуева / Запись, вступ. статья и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939 (Сказки Карельского Беломорья. Т. 1). Т. 1, кн. 2. С. 382–386; Пинежские сказки. С. 105–106.

⁷⁴ Харитонов А. В. Русские промышленники на Груманте (Шпицбергене). С. 288–290.

не попала, — только одна капелька крови на борту. Стало судно опруживать; ну, стесали топором кровь, — и выпрямилось».⁷⁵

Запись О. Э. Озаровской сделана в 20-х гг. XX в. на Северной Двине. Известна и «перевернутая» версия того же сюжета (Ванька Нордкапский — «злой дух севера» — завладевает красавицей-поморкой во время морской бури и губит ребенка, заметив ее бегство).

«Искать-поискать, увидел наконец: плывет его красавица в шляке. Разозлился Ванька, схватил ребенка и, разорвав надвое, кинул его в шляку. Кровь залила дно: не миновать шляке гибели. Закружилась она посреди моря. “Погибать нам всем!” — молвят поморы. “Погибли бы, — сказала поморка, — коли б не смогли выскоблить дна!” Схватила нож и быстро выскоблила кровь. Затем — возвысили крест и поплыли с Богом дальше».⁷⁶

Этот текст бытовал на Мурманском берегу Кольского полуострова в начале XX в.

Публикация А. В. Харитонова (1849 г.) — наиболее ранняя по времени записи. Кратко излагая в сборнике 1867 г. сюжет о том, «как водяная царица слюбилась с промышленником на Груманте и как она, когда он ее покинул, на прощанье бросила ему в лодку прижитых с ним детей», П. Н. Рыбников отмечает: повествование это «всем известно», а «сказание про водяных женщин перешло сюда (в Заонежье. — М. В.) большею частью с Груманта».⁷⁷ Это утверждение как будто бы свидетельствует о широкой распространенности сюжета, однако нельзя исключать и того, что П. Н. Рыбников исходил в своих выводах из материалов А. В. Харитонова. К Груманту приурочено и действие многоэпизодной былички, обнародованной П. С. Ефименко под заглавием «Что случилось на о<строве> Груманте», которая варьирует тему сожительства зимовщика и «прóклятой дочери самодержцев».

«Один молодой человек остался зимовать на Груманте с прочими товарищи. Во время этой зимы он имел пребывание на гальете, то есть в судне; каждый вечер играл в гусли, а пред ним кто-то плясал — лишь только платье шумит». Исхитрившись осветить пришелицу, промысловик выясняет, что доселе она пребывала в каменном доме у водяных чертей, и вступает с ней в любовную связь. Далее сюжет не развивается ни по одной из упомянутых выше линий. Девушку выдают замуж за водяного черта (в Петербург, под Калинов мост), а зимовщик, посетивший ее в Петербурге, в обмен на совместно прижитого младенца получает от черта кулек золота.⁷⁸

⁷⁵ Озаровская О. Э. Из дневника фольклориста. С. 5–6.

⁷⁶ Россиев П. Северная Русь. С. 100–101.

⁷⁷ Рыбников П. Н. Заонежские поверья. С. 229.

⁷⁸ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Т. 30, вып. 2: Народная словесность. С. 234–236.

В преамбуле к разделу «Народная словесность», где помещено это повествование, составители сообщают: из публикуемых текстов «некоторые очевидно переводные и зашли в народ книжным путем, иные же — чисто народные, и притом местного происхождения».⁷⁹ Лексика публикации П. С. Ефименко указывает если не на книжный источник, то по крайней мере на книжное влияние. Ср.: «Ну, друг любезной! Прощай, нам боле несвободно с тобой беседовать!»; «...из воды худо уйти; и таким образом в этом пропащем жилище препровождаю жизнь свою до сего часа», и т. п.

При наличии авторских (или предположительно авторских) не только устных, но и письменных сюжетов в фольклоре промышленников (см. выше) существование некоей «народно-книжной» литературы о Груманте представляется вполне возможным. Однако многочисленность записей и варьированность сюжетов, интерпретирующих одни и те же мотивы и зафиксированных в устном бытовании, позволяет говорить лишь о плодотворном взаимовлиянии устной и письменной традиций. Ср., к примеру, эпизоды игры на музыкальном инструменте, танцев невидимой девушки, попыток осветить пришлицу, которые входят в «промысловые» сюжеты с иным, нежели у «грумантских», развитием.⁸⁰

В русском фольклоре Груманта, творчески интерпретирующем традиционные мотивы, образы, включающем их в новые сюжеты, осмысливается ряд тем, жизненно важных для промышленников-груманланов. Это темы чужой и чуждой, но все-таки обживаемой земли; высших сил, распоряжающихся жизнью промысловика; противостояния тяготам зимовки — болезням, одиночеству, отчаянию. Знакомство с этой стороной севернорусского народного творчества вызывает сожаление о том, что фольклор русских полярных мореходов, зверобоев-зимовщиков XVIII–XIX вв. записывался лишь фрагментарно.

Повествования о Груманте — «темном», но изобильном; «страшном», но притягательном — не исчезли из живого бытования и после полного прекращения грумантских промыслов в середине XIX в., обусловленного многими причинами (падение цен на сало, усиление промыслов на Новой Земле, развитие каботажного плавания поморов в Северную Норвегию для меновой торговли). Хотя история могла бы повернуться по-иному. В 1871 г. крестьянин Устюжского уезда Вологодской губернии Антон

⁷⁹ Там же. С. VI.

⁸⁰ Арх.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 3, п. 3, № 11, л. 17; Новг.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 261, п. 15, № 14, л. 4–7; *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1909. С. 572; *Сказки М. М. Коргуева.* С. 382–386; *Пинежские сказки.* С. 28–30.

Тимофеевич Старостин, потомок Ивана Старостина, 15 лет безвыездно прожившего на Шпицбергене,⁸¹ обратился с прошением «на высочайшее имя»:

«Известился я, по “Кронштадскому вестнику”, что шведское правительство объявило ныне нам русский Грумант (остров Шпицберген), находящийся в Ледовитом океане, своей собственностью и предлагает колонизировать его. Так как этот остров открыт не только русскими, но даже моими предками, о чем и имеются за границею сведения, почему он во всех иностранных, главнейшее прусских и французских словарях и географиях, равно и на карте Киперта, переведенной нашим Военно-топографическим депо в 1861 году, показан именно русским, то я и принял смелость <...> повергнуть пред его императорским величеством всепреданнейшее ходатайство.

Предки мои, происходя из новгородских выходцев, поселились на Северной Двине. Сколько мне известно из рассказов, они плавали на Грумант еще до основания Соловецкого монастыря и имели там, на Груманте, избы в гавани Кломбай, на западном берегу острова (Соловецкий монастырь основан в 1435 году, а голландцы в первый раз увидели Грумант в 1595 году и назвали его Шпицбергенем). Последний из родственников моих, Иван Старостин, провел там тридцать две зимы и умер в 1826 году, в том самом году, когда начальство наше уступило Норвегии, без всякого повода, лучшую часть Мурманского берега на протяжении 400 верст, с тремя превосходными и никогда не замерзающими гаванями.

Желая построить себе хорошее судно для плавания в Северном океане <...> и вспоминая ту отвагу и храбрость своих предков, какую они имели в мореходстве и в борьбе с трудностями плавания по Ледовитому морю и с северною природою, почти на самом полюсе, осмелился просить его императорское величество повелеть отдать в мое распоряжение один из многочисленной группы необитаемых грумантских, то есть шпицбергенских, островов, тот самый, на котором существует Старостинская гавань, названная уже впоследствии иностранцами гаванью Кломбай, которую занимали мои предки и на которую особенное внимание обратила великая императрица Екатерина II, где я намерен для детей моих

⁸¹ Долгое время Старостин плавал на Шпицберген с годичными перерывами. После смерти жены он переселился на остров, не порывая связи с многочисленными родичами, которые приезжали к нему каждое лето. Именем Старостина, по предложению Норденшельда, назван мыс, на котором он похоронен (*Ставницер М. Русские на Шпицбергене. С. 37*). По другим сведениям, на мысе погребен Ермил Старостин (*Кошечкин Б. И. Боже, дай нам ветра. С. 119*).

сделать становище и занять их ловлею моржей, белух и белых медведей и охотою за оленями и другими зверями».⁸²

Положительного ответа на свое прошение Антон Тимофеевич Старостин не удостоился.

Литература:

Балашов Д. М. Сказки Терского Берега Белого моря. Л., 1970.

Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельницах // Известия ИОЛЭАиЭ. Труды этногр. отдела. М., 1874. Т. 13, кн. 3, вып. 1. С. 90.

Богатырев П. Г. Вераования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии (Из летней экскурсии 1916 г.) // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. 111–112 (CXI–CXII). № 3–4.

Большая Шалга (сельский приход в Каргопольском уезде) // Олонецкие губернские ведомости. 1898. № 98. С. 970–971.

Гельб Г. Грумант (Шпицберген) — потерянное русское владение // Русское судоходство. 1908. № 9. С. 27–43; № 10. С. 72–90.

Герасимов М. К. Из преданий и поверий Череповецкого уезда Новгородской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. 39 (XXXIX). № 4.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Едемский М. Б. Из кокшёнских преданий. IV. Еретики // Живая старина. 1908. Вып. 2.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1.

Кичин Е. Историко-статистические заметки по г. Тотьме и Кадниковскому уезду // АРГО, р. VII, оп. 1, № 15, л. 5 об.–6.

Кошечкин Б. И. Боже, дай нам ветра: Кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992.

Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко // Известия ИОЛЕАиЭ. М., 1878. Т. 30, вып. 1 (Труды этногр. отдела. Кн. 5); Т. 30, вып. 2: Народная словесность (Труды этногр. отдела. Кн. 6).

Минорский П. Из мира народных поверий жителей Вытегорского уезда (народные рассказы) // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края: в 4 вып. Петрозаводск, 1875–1876. Вып. 1. С. 44–45.

Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2013.

Нансен Ф. Собр. соч. Т. 4: Шпицберген. Л., 1938.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 3.

⁸² Цит. по: *Тихомиров Вс.* Из прошлого. Русские промыслы на Груманте // Русское судоходство торговое и промысловое, на реках, озерах и морях. 1898. № 195. С. 17–18.

Неизданные материалы экспедиций на Русский Север: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. статья, сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011.

О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Сборник Н. И. Рождественской. Архангельск, 1952.

Озаровская О. Э. Из дневника фольклориста // На Северной Двине. Сборник Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1924.

Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1909.

Осокин С. М. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. СПб., 1856. Т. 60: Ноябрь–декабрь. № 11.

Перетц В. Деревня Будогоща (Тихвинского уезда Новгородской губернии) и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1.

Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975. С. 105–106.

Плетнев М. А. Домовые и лесовики Тверской губернии // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 314–315.

Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003.

Россиев П. Северная Русь. М., 1903.

Рыбников П. Н. Заонежские поверья // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 4 ч. 1-е изд. СПб., 1867. Ч. 4. С. 219–233.

Сказки и притчи, записанные в Шадринском уезде А. Зыряновым // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. С. 163–164.

Сказки М. М. Коргуева / Запись, вступ. статья и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Т. I, кн. 1–2 (Сказки Карельского Беломорья. Т. I).

Сказки и предания Северного края / Сост., коммент. и вступ. статья И. В. Карнаухова. 2-е изд. СПб., 2006.

Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9. С. 21–24.

Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пг., 1917. С. 308–309 (Записки РГО по отделению этнографии. Т. 44, вып. 1 и 2).

Ставницер М. Русские на Шпицбергене. М., 1948.

Тихомиров Вс. Из прошлого. Русские промыслы на Груманте // Русское судоходство торговое и промысловое, на реках, озерах и морях. 1898. № 195. С. 17–18.

Токарев С. А. Самодийские народы // Этнография народов СССР. М., 1958.

Ушаков И. Ф. Кольская старина // Избранные произведения: историко-краеведческие исследования: в 3 т. Мурманск, 1998. Т. 3.

Филиппов А. М. Датский документ о посещении Шпицбергена русскими в XVI в. // Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. 4. С. 441.

Харитонов А. В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене): Из заметок шенкурца // Отечественные записки. 1849. Т. 66. № 10. С. 282–298.

Харитонов А. В. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии // Отечественные записки. СПб., 1848. Т. 57. № 4.

Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

Шидловский А. Ф. Шпицберген в русской истории и литературе. СПб., 1912.

Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1923. Вып. 29: Третий этнографический сборник. С. 10.

Шпицберген // Большая советская энциклопедия. М., 1957. Т. 48. С. 170.

Шульгин Н. В., Санакина Т. А. Окладникова слодобка. Архангельск, 2004.

Christiansen Reidar Th. The Migratory Legends: A proposed list of Types with a systematic Catalogue of the Norwegian Variants // FF Communications, edited for the folklore fellows. Helsinki, 1958. Vol. LXXI. N 173.

Аннотация: Статья посвящена прозаическому фольклору севернорусских крестьян-промышленников Груманта (Шпицбергена). В русском фольклоре Груманта, творчески интерпретирующем традиционные мотивы, образы, включающем их в новые сюжеты, осмысливается ряд тем, жизненно важных для промышленников-груманланов. Это темы чужой и чуждой, но все-таки обживаемой земли; высших сил, распоряжающихся жизнью промысловика; противостояния тяготам зимовки — болезням, одиночеству, отчаянию. Повествования о Грумантском Псе (духе-хозяине), «старухе-цинге», о связи человека с грумантской «дикой девкой», русалкой, о проклятых и неоплаченных покойниках сохранялись в памяти потомков русских полярных мореходов вплоть до 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: Грумант (Шпицберген), Русский Север, зверобойный промысел русских крестьян, былички.

M. N. Vlasova (St. Petersburg). Russian folklore of Grumant (Spitsbergen).

The article is devoted to the prosaic folklore of northern Russian peasants-hunters of Grumant (Spitsbergen). In Russian folklore of Grumant, where the traditional motives and images are creatively interpreted and incorporated into new story lines, is raised a number of topics vital for the Russian hunters. These are themes of a land strange and alien, but still being a place to settle, powers from above that rule the life of an arctic hunter; struggle against the hardships of wintering — illness, loneliness, despair. Narratives about Canis of Grumant (spirit of the island), «the old woman-scurvy», the

human connection with «wild whore», a mermaid, about the damned and the unmourned dead were being saved in memory of Russian polar sailors descendants up to 1920s.

Keywords: Grumant (Spitsbergen), the Russian North, mammal hunting Russian peasants, true stories.

References:

- Balashov D. M.* Skazki Terskogo Berega Belogo morja. L., 1970.
- Barsov E. V.* Severnye skazaniya o lembojah i udel'nicah // Izvestija IOLEAiE. Trudy etnogr. otdela. M., 1874. T. 13, kn. 3, vyp. 1. S. 90.
- Bogatyrev P. G.* Verovaniya velikorussov Shenkurskogo uezda Arhangel'skoj gubernii (Iz letnej ekskursii 1916 g.) // Etnograficheskoe obozrenie. 1916. Kn. 111–112 (CXI–CXII). N 3–4.
- Bol'shaja Shalga (sel'skij prihod v Kargopol'skom uezde) // Oloneckie gubernskie vedomosti. 1898. N 98. S. 970–971.
- Charnoluskij V. V.* Legenda ob olene-cheloveke. M., 1965.
- Cherepanova O. A.* Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa. L., 1983.
- Cherepanova O. A.* Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa. SPb., 1996.
- Christiansen Reidar Th.* The Migratory Legends: A proposed list of Types with a systematic Catalogue of the Norvegian Variants // FF Communications, edited for the folklore fellows. Helsinki, 1958. Vol. LXXI. N 173.
- Edemskij M. B.* Iz kokshen'gskih predanij. IV. Eretiki // Zhivaja starina. 1908. Vyp. 2.
- Filippov A. M.* Datskij dokument o poseshhenii Shpicbergena russkimi v XVI v. // Literaturnyj vestnik. 1901. T. 1, kn. 4. S. 441.
- Gebel' G.* Grumant (Shpicbergen) — poterjannoe russkoe vladenie // Russkoe sudohodstvo. 1908. N 9. S. 27–43; N 10. S. 72–90.
- Gerasimov M. K.* Iz predanij i poverij Cherepoveckogo uezda Novgorodskoj gubernii // Etnograficheskoe obozrenie. 1898. Kn. 39 (XXXIX). N 4.
- Gerbershtejn S.* Zapiski o Moskovii. M., 1988.
- Haritonov A. V.* Arhangel'skie promyshlenniki na Grumante (Shpicbergene): Iz zametok shenkurca // Otechestvennye zapiski. 1849. T. 66. N 10. S. 282–298.
- Haritonov A. V.* Oчерk demonologii krest'jan Shenkurskogo uezda Arhangel'skoj gubernii // Otechestvennye zapiski. SPb., 1848. T. 57. N 4.
- Kichin E.* Istoriko-statisticheskie zametki po g. Tot'me i Kadnikovskomu uezdu // ARGO, r. VII, op. 1, N 15, l. 5 ob.–6.
- Koshechkin B. I.* Bozhe, daj nam vetra: Kemskie poljarnye morehody. Petrozavodsk, 1992.
- Materialy po etnografii russkogo naselenija Arhangel'skoj gubernii, sobrannye P. S. Efimenko // Izvestija IOLEAiE. M., 1878. T. 30, vyp. 1 (Trudy etnogr. otdela. Kn. 5); T. 30, vyp. 2: Narodnaja slovesnost' (Trudy etnogr. otdela. Kn. 6).

Mifologicheskie rasskazy russkih krest'jan XIX–XX vv. / Sost., podgot. tekstov, vstup. stat'ja i komment. M. N. Vlasovoj. SPb., 2013.

Minorskij P. Iz mira narodnyh poverij zhitelej Vytegorskogo uezda (narodnye rasskazy) // Oloneckij sbornik. Materialy dlja istorii, geografii, statistiki i etnografii Oloneckogo kraja: v 4 vyp. Petrozavodsk, 1875–1876. Vyp. 1. S. 44–45.

Nansen F. Sobr. soch. T. 4: Shpicbergen. L., 1938.

Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t. / Izd. podgot. L. G. Barag, N. V. Novikov. M., 1985. T. 3.

Neizdannye materialy ekspedicii na Russkij Sever: Skazki. Legendy. Bylichki. Detskij fol'klor / Vstup. stat'ja, sost., podgot. tekstov i komment. M. N. Vlasovoj. SPb., 2011.

O rybakah, morskikh zverobojah i ohotnikah. Narodnye skazy, skazki, pesni i chastushki, poslovicy. Sbornik N. I. Rozhdestvenskoj. Arhangel'sk, 1952.

Onchukov N. E. Severnye skazki. SPb., 1909.

Osokin S. M. Narodnyj byt v severo-vostochnoj Rossii. Zapiski o Malmyzhskom uezde (v Vjatskoj gubernii) // Sovremennik. SPb., 1856. T. 60: Nojabr'–dekabr'. N 11.

Ozarovskaja O. E. Iz dnevnika fol'klorista // Na Severnoj Dvine. Sbornik Arhangel'skogo obshhestva kraevedenija. Arhangel'sk, 1924.

Peretc V. Derevnja Budogoshha (Tihvinskogo uezda Novgorodskoj gubernii) i ee predanija // Zhivaja starina. 1894. Vyp. 1.

Pinezhskie skazki / Sobrany i zapisany G. Ja. Siminoj. Arhangel'sk, 1975. S. 105–106.

Pletnev M. A. Domovye i lesoviki Tverskoj gubernii // Sbornik Tverskogo obshhestva ljubitelej istorii, arheologii i estestvoznanija. Tver', 1903. Vyp. 1. S. 314–315.

Pribaltijsko-finskie narody Rossii / Otv. red. E. I. Klement'ev, N. V. Shlygina. M., 2003.

Rossiev P. Severnaja Rus'. M., 1903.

Rybnikov P. N. Zaonezhskie pover'ja // Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym: v 4 ch. 1-e izd. SPb., 1867. Ch. 4. S. 219–233.

Shidlovskij A. F. Shpicbergen v russkoj istorii i literature. SPb., 1912.

Shirskij A. A. Iz legend Vetluzhskogo kraja // Trudy Kostromskogo nauchnogo obshhestva po izucheniju mestnogo kraja. Kostroma, 1923. Vyp. 29: Tretij etnograficheskij sbornik. S. 10.

Shpicbergen // Bol'shaja sovetskaja enciklopedija. M., 1957. T. 48. S. 170.

Shul'gin N. V., Sanakina T. A. Okladnikova slobodka. Arkhangel'sk, 2004.

Skazki i predanija Severnogo kraja / Sost., komment. i vstup. stat'ja I. V. Karnauhovej. 2-e izd. SPb., 2006.

Skazki i pritchi, zapisannye v Shadrinskom uezde A. Zyrjanovym // Permskij sbornik. M., 1860. Kn. 2. S. 163–164.

Skazki M. M. Korgueva / Zapis', vstup. stat'ja i komment. A. N. Nechaeva. Petrozavodsk, 1939. T. I, kn. 1–2 (Skazki Karel'skogo Belomor'ja. T. 1).

Slovar' russkih narodnyh govorov. L., 1972. Vyp. 9. S. 21–24.

Smirnov A. M. Sbornik velikorusskikh skazok Arhiva Russkogo geograficheskogo obshhestva. Pg., 1917. S. 308–309 (Zapiski RGO po otd-niju etnografii. T. 44, vyp. 1 i 2).

Stavnicer M. Russkie na Shpicbergene. M., 1948.

Tihomirov Vs. Iz proshlogo. Russkie promysly na Grumante // Russkoe sudohodstvo trgovoe i promyslovoe, na rekah, ozerah i morjah. 1898. N 195. S. 17–18.

Tokarev S. A. Samodijskie narody // Etnografija narodov SSSR. M., 1958.

Ushakov I. F. Kol'skaja starina // Izbrannye proizvedeniya: istoriko-kraevedcheskie issledovanija: v 3 t. Murmansk, 1998. T. 3.

Zelenin D. K. Ocherki russoj mifologii. Pg., 1916. Vyp. 1.